

историки церкви зачастую схематизируют образ мыслей и поступки людей в определенные эпохи; последующие поколения часто вообще не принимают идейного достоинства прошедших времен, так как они не могут перенести себя в тогдашнюю ситуацию и религиозное состояние». Говоря о мировоззрении людей Древней Руси, И. Смолич утверждает, что «их образ мысли и рассуждения весьма сильно отличались от нынешнего умозрения (Spekulation)».¹⁵

В такой чисто отрицательной и «агностической» форме мнение И. Смолича и других противников «модернизации» обладает известной логической силой. «Чужая душа — потемки», а с людьми XI—XVII вв. нам не приходилось встречаться, мы не можем сказать с точностью, как именно они думали. Любая попытка восстановить ход рассуждения людей давно прошедших времен (скажем, попытка В. О. Ключевского объяснить мотивы, побуждавшие бояр выступать против монастырского землевладения) гипотетична: мы представляем себе их мышление по аналогии с нашим собственным.

Но ведь и противники «модернизации» живут в XX в. и они не имели возможности соприкоснуться с людьми XI—XVII вв. А между тем они не остаются на позициях чистого агностицизма, они тоже пытаются установить, как именно думали люди Древней Руси. Непосредственно за приведенными словами о «последующих поколениях», не понимающих духовного достоинства прошлого, И. Смолич излагает собственное мнение об образе мысли древнерусских людей: «Люди тогда были по большей части как верующие дети, но со страданиями взрослых людей».¹⁶

Как ни трогательна эта картина, ее трудно признать особенно убедительной. Памятники Древней Руси, столь же доступные нам, как и Смоличу, не обнаруживают никакого специфического инфантилизма людей того времени. Среди них были люди доверчивые и циничные, самоотверженные и бессовестные, глупые и мудрые — те же весьма разнообразные типы человеческих индивидуальностей, которые мы встречаем в наше время. Само собой разумеется, что прямое перенесение понятий, характерных для нашего времени, в древность было бы недопустимой модернизацией. И кстати сказать, противники марксизма грешат подобной модернизацией очень часто. В ходе дискуссии о древнерусской культуре, проведенной недавно американским журналом «Slavic Review», подымался, например, вопрос о «экзистенциализме» в Древней Руси,¹⁷ и даже Д. Чижевский, решительно возражающий против применения «категорий сегодняшнего мышления» к прошедшим временам, усматривает явления «конвергенции» между творчеством Маяковского и Кальдерона, Есенина и славянских поэтов XVI—XVII вв.¹⁸ Конечно, Древняя Русь не знала «экзистенциализма», возникшего в связи со специфическими литературными явлениями XX в., как не знала она, скажем, импрессионизма и экспрессионизма, как не знала она явлений современной науки и техники. Бесплодно переносить в Древнюю Русь и политические явления более позднего времени, например говорить о «кадетах» или «меньшевиках» Древней Руси. Но явления, свойственные любому классовому обществу, не были и не могли быть чуждыми русскому обществу XI—XVII вв. Богатые и «сильные» люди «обижали», «грабили» и «истязали» «убогих»,

¹⁵ I. Smolitsch. Russisches Mönchtum. Entstehung, Entwicklung und Wesen. 988—1917 (Das östliche Christentum, Neue Folge, Heft 10/11). Würzburg, 1953, стр. 119—120.

¹⁶ Там же, стр. 120.

¹⁷ G. Florovsky. The problem of Old Russian culture. — Slavic Review. March, 1962, стр. 10 (отдельный оттиск).

¹⁸ D. Čiževskij. Aus zwei Welten, стр. 308—318 и 319—326.